

С

тарик держал перед собой картину и смотрел на нее восхищенно, но в то же время с сожалением.

— Здешней публике такая картина не по карману, — ворчал он. — Висеть ей тут до второго пришествия.

И действительно, картина не вписывалась в скромную обстановку магазинчика. Старик купил ее у одного напористого юнца, который уверял, что вынужден отдать полотно почти за бесценок в связи с закрытием магазина. Лавка старика располагалась не на бойком месте, и основной доход приносило оформление картин. Старик огляделся: вокруг висели городские панорамы, кошечки и собачки, шикарные девицы и яркие пейзажи.

— Разве такой картине тут место? Это все равно, что я буду сидеть в Конгрессе, — пробормотал он.

Но все же он втайне радовался своей покупке — теперь он уже не был мелким торговцем, а вознесся до уровня покровителя искусств. Шаркающей походкой ходил он по магазину, выбирая подходящее место для картины, а между тем в его хмуром взгляде сквозила скрытая гордость.

Разве можно описать ту картину словами? Они лишь приравняют ее к литографии. На ней был изображен сосновый лес, через который весело бежал чистый горный ручей. Цветные литографии и настоящие произведения искусства могут запечатлеть сходные предметы. Но единственное различие между ними связано с нашим восприятием. «Дело не в том, что ты видишь, а в том, что ты чувствуешь, — размышлял старик, стирая с картины пыль. — Вот в этой раме не больше трех футов в длину, но кажется, что лес простирается еще на сотни миль. Думаю, он лежит на склоне горы — оттуда так и веет прохладой. Вот бы сейчас там оказаться! Уж в таком-то местечке совсем другая жизнь, не то что в нашем Чикаго. Похоже, где-то далеко есть край, в котором человек может быть свободным».

Старик принялся вынимать из витрины картины с видами на Линкольн-парк и полотна с тучными купидонами, чтобы освободить место для нового шедевра; потом он вышел на улицу и, внимательно посмотрев на результат своих трудов, потряс головой и заспешил обратно. Он убрал изображения пылких парочек, рисунки с фруктами, цветами и рыбой,

которые, как вначале полагал старик, могли бы «удачно оттенить» красоту новой картины. Но было очевидно, что той не нужна подобная мишура. «И к тому же, — сказал он, словно оправдываясь за то, что веряет все свое материальное благополучие единственной картине, — их можно разве что выбросить — настолько убогими они кажутся рядом с новым полотном. Так их точно никто не захочет взять». И старик снова возвратился к созерцанию горного пейзажа со спокойствием человека, отстаивающего прекрасное.

Его маленькие часы отбили уже без четверти шесть, когда он наконец вышел из лавочки. Пришло время закрываться на ночь, но он задержался на ступеньках, смотря на поток служащих, которых выплеснул деловой квартал. Люди двигались по направлению к западным улицам, где располагались дома с меблированными комнатами. Они проходили мимо него парами или небольшими группами; шумливые и измотанные, веселые и грустные. Праздность и усталость, людской протест и смирение.

— Будто кто-то из них смог бы ее купить, — сурово произнес старик. — Или хотя бы просто захотел, — прибавил он задумчиво.

По улице одиноко брела девушка. «Бедняжка совсем выбилась из сил», — подумал старик. Девушка пересекла дорогу и теперь шла по его стороне. В ее наряде не было ничего примечательного, но между тем она выглядела иначе, чем ее сверстницы — точно так его новая картина отличалась от цветной литографии. Девушка равнодушно скользнула взглядом по витрине его лавочки, но вдруг остановилась, замерла, и весь ее облик преобразился. «Она будто бы увидела давно пропавшего друга и теперь, чтобы не разрушить волшебный миг, боится произнести даже слово», — размышлял потом старик.

Казалось, девушка действительно боится сказать что-либо, боится поверить увиденному. Она стояла прямо посреди тротуара, не отрывая глаз от полотна. Затем шагнула ближе, словно картина притягивала ее. Могло показаться, что она готова сорваться с места и убежать, но она подошла еще ближе — так близко, как могла — и все смотрела и смотрела на картину. Но потом смесь страха и благоговения уступила место самозабвенному восторгу. Девушка посмотрела по сторонам — точно так же человек трет глаза, чтобы убедиться, что увиденное им — правда. И после этого на нее нахлынула такая радость, что ее бледное личико озарилось, а старик смог только сказать, что он раньше никогда такого не видел. «Пробеги по нашей улице пожарная бригада, она бы и не заметила», — торжественно заявил он. И тут девушка сделала глубокий вдох. «Вот видите? — радостно засмеялся он. — Она чувствует ее аромат». Девушка посмотрела на дверь магазина, но потом покачала головой. «Знает, что не сможет ее приобрести», — догадался старик. Девушка отступила на шаг и внимательно посмотрела на номер над дверью. «Придет снова, — решил старик. — Боится потерять это место». А девушка еще долго стояла перед картиной; она была на удивление тиха и спокойна — старик даже не знал, как это истолковать. «И вот как прикажете это понимать? — в замешательстве спрашивал он. — И почему эта картина так подействовала на нее?» В глубине души старик будто бы знал ответ и смотрел на девицью фигурку сквозь пелену слез.

Закрывая магазинчик на ночь, старик был так взволнован взглядом, который она бросила на картину, прежде чем уйти, что ему даже в голову не приходило, что эта маленькая ценительница прекрасного не сможет ее купить.

Весь следующий день он не переставал думать о девушке и незадолго до шести занял свое место за витриной. «Я старый идиот, — с досадой говорил он, а сам с нетерпением ждал ее. — Какая разница, придет она или нет! У нее все равно нет денег, чтобы купить полотно. И она-то не лучше меня. Что толку любить, если не можешь обладать? Ну и глупец же я! Хлопочу о том, что она думает». Но в этот момент девушка показалась позади стайки девочек. Она торопливо перешла улицу и почти побежала к его лавке — радостная и взволнованная. «Переживает, как бы ее не купили, — сказал старик и добавил угрюмо: — Уж об этом нечего тревожиться».

Она приблизилась к картине с таким благоговением, словно заходила в церковь. Однако восторг, написанный на ее лице, был далек от религиозной сдержанности. «Я бы сказал, что она похожа на человека, который долго блуждал по пустыне и вдруг нашел источник, — сказал старик, проникнув в самую глубину ее сердца. — Ее мучает жажда. Она жадно впитывает каждую каплю, но все не может остановиться. Ведь для нее это... напиток жизни!» Но тут старик дернул плечами, устыдившись своих поэтических и сентиментальных рассуждений, неподобающих мужчине его возраста.

Он подошел к двери и стал смотреть, как она уходит прочь. «Какая же она тоненькая! — воскликнул он. — Порыв ветра может унести ее». Девушка шла, слегка наклонив голову и сдвинув плечи; прежде чем она исчезла из виду, он услышал ее кашель.

«Она наверняка жила в тех краях, и сейчас ей так хочется там оказаться. Благодаря картине она «дышит» родным воздухом и меньше скучает по дому», — решил старик, гордясь своими дедуктивными навыками.

Стоял июль, и каждый вечер старик ждал маленькую и хрупкую девушку, которой так нравилась картина с сосновым лесом. Она всегда торопливо пересекала улицу и подходила к картине с той же мучительной страстью, близкой к лихорадочному состоянию. Но успокаивалась, глядя на картину, и ее напряжение ослабевало. «Уходя, она выглядит еще более слабой, чем когда приходит, — замечал старик. — Клянусь, она будет и вправду там бывает, — говорил он, но добавлял: — Ох, Боже, и вот как тут понять, что к чему!»

Полотно он называл не иначе как «Ее картина». Однажды, за десять минут до шести, он вынул холст из витрины. «Возможно, я поступаю плохо, — признавал старик, — но я просто хочу узнать, насколько дорога ей эта картина».

Но когда старик увидел, что из этого вышло, то решил, что он самый жестокий человек на земле. Девушка, как обычно, торопливо и с волнением подошла к картине. Но когда увидела пустую витрину, то старику на мгновение показалось, что она рухнет прямо на тротуар. Весь ее облик потускнел, как будто у нее отняли источник внутренних сил. Свет, разлитый по ее лицу, погас, осталось лишь осознание горькой правды. «Разрази меня гром!» — с яростью бормотал старик, сам готовый заплакать. Девушка оглядела грязную, раскаленную и шумную улицу, а потом снова посмотрела на пустую витрину. Она постояла минуту — какое же мучительное это было время! — и потом, смирившись, поплелась прочь. Она шла, как обычно ходят сильно измученные люди или те, кого разочарования подстерегают слишком часто.

Дрожащими руками старик поспешно вернул картину на прежнее место. Он осыпал себя упреками, говорил, что поступил хуже, чем кош-

ка, играющая с мышкой; человек, отнявший кость у пса, поступает не так низко; его нельзя сравнить даже с подлецом, который разрушил у детей кукольный домик, а только с преступником, который выхватил кружку воды у умирающего. Старик подумал, что она может вернуться, и задержался до семи, сделал вид, что ему надо перевесить шторы. Весь следующий день он не находил себе места. И, словно чтобы загладить вину за свой презренный поступок, он целый час украшал тканью витрину. «Она решит, — говорил он себе, — что картины вчера потому-то и не было. И не будет волноваться. Это будет знаком, что Ее картина останется здесь».

В тот вечер он стал ждать с половины шестого. Прошло пятнадцать минут, и он подумал, что она слишком расстроена, чтобы идти домой по его улице. Он был так уверен в этом мрачном предположении, что, когда увидел ее вдалеке, почувствовал безмерное ликование. Она бесцельно брела по другой стороне улицы — без былой горячности, перед которой отступала даже усталость. Девушка приблизилась к месту, где всегда раньше переходила дорогу, помедлила несколько секунд и продолжила идти, еще более медленно и совсем поникнув. Она не верит! Она не придет!

Но она пришла: после нескольких шагов девушка снова остановилась и на этот раз перешла дорогу. «Правильно! — радовался старик. — Так просто не сдавайся!»

Девушка шла мимо лавочки, стараясь не смотреть на витрину, но все же повернула голову и увидела свою картину. Сначала она застыла, а затем, — тут старик не мог сказать точно, что произошло, — задрожала от сдерживаемых рыданий, метнулась к витрине, и на ее бледном, усталом лице заблестели слезы.

«Не тревожься, — пробормотал старик, растроганный ее слезами, — она больше никуда не исчезнет».

Однако уже на следующей неделе его решение подверглось испытанию. В его магазинчик зашла дама и попросила показать ей картину с витрины. Такие великолепные покупательницы нечасто появлялись в их квартале. Старик с подозрением оглядел ее, нахмурился и неуклюже замешкался. Ее картина! Что подумает та девушка? Что с ней будет? Но тут хитрая улыбка тронула его губы; он пошел и вытащил холст.

— Эта картина, — надменно произнес он, — стоит сорок долларов, мадам. «Это ее отпугнет», — добавил он про себя.

Дама молча рассматривала картину.

— Я беру ее, — спокойно сказала она.

Старик в изумлении уставился на нее. Сорок долларов! Значит, тот парень не знал ее истинную ценность.

— Заверните ее, пожалуйста, — попросила дама. — Я возьму ее сразу.

Старик повернулся и пошел в комнатку позади прилавка. «Сорок долларов!» — повторял он как в тумане. А ему как раз повысили арендную плату, и в газетах пишут, что уголь этой зимой подорожает. Ему бы пригодились эти сорок долларов! Эта мысль неотступно преследовала его. От такой суммы трудно отказаться! Старик хмуро отрезал оберточную бумагу и с тяжелым сердцем принялся заворачивать картину. Но что-то шло не так. Бумага не ложилась ровно. Он три раза разворачивал ее, и каждый раз не мог не взглянуть на сосны. А лес уходил все дальше и дальше, становился таким высоким, что заслонял даже сорок долларов. Казалось, лес знает то, что важнее платы за аренду и за уголь. И вдруг случилось нечто необычное: сосновый бор растворился в туманных далях, и

старик увидел шумную, запруженную людьми улицу под раскаленным солнцем, по которой спешила хрупкая девушка с мечтой в глазах. Воздушная фея, которой не место в жарком, гудящем городе; она приближается к картине, ее усталые глаза вспыхивают, на измученном лице появляется улыбка, и она словно чувствует освежающий ветерок соснового леса. Старик внезапно разозлился на себя и на свою покупательницу: «Разрази меня гром — ведь это Ее картина!»

Он вернулся к прилавку.

— Я только сейчас вспомнил, — резко произнес он, — эта картина принадлежит другому человеку.

— Я не понимаю, — дама посмотрела на него с удивлением.

— А нечего тут понимать, — почти закричал он. — Эта картина принадлежит другому человеку.

Дама повернулась и пошла к выходу, но потом обернулась.

— Я дам за нее пятьдесят долларов, — все так же спокойно сказала она.

— Мадам, — загремел старик, — предложите мне хоть пять тысяч, я все равно скажу вам, что эта картина не продается. Понимаете?

— Да, конечно, — ответила она и ушла.

Он долго не мог успокоиться. «Я вот что скажу, — шумел он, обращаясь к озеру Мичиган, которое вставлял в раму, — это Ее картина... и только ее... Я скажу это любому, кто полезет с такими глупыми предложениями».

После этого старик часто задумывался, не выйти ли ему из лавочки и заговорить с ней. Но, возможно, он был просто сдержанным человеком по своей натуре. Он хотел подойти к ней однажды и сказать, что картина теперь ее. Но ему казалось, что глупо говорить такое: она и так наверняка это знает. Старик беспокоился о ее кашле, который, похоже, усиливался; он уже все обдумал и решил, что с наступлением холодов пригласит ее заходить в магазинчик и любоваться полотном в тепле. Старик чувствовал, что знаком с ней тысячу лет. И хотя он не знал даже ее имени, ни разу не слышал ее голос, ему казалось, что эта девушка для него самый близкий человек на свете.

Но если бы старик узнал ее истинную историю, он вряд ли бы понял. Он был бы удивлен и разочарован, если бы ему сказали, что та девушка никогда не видела ни соснового бора, ни гор. Более того, часть ее жизни осталось бы загадкой не только для него, но и для всех остальных.

Основные факты ее жизни были простыми и неинтересными. Ее история мало чем отличалась от историй тысяч других девушек в этом городе. Если бы вы навели справки, то узнали бы, что она работает машинисткой в крупной земельной компании, что во всем Чикаго у нее нет ни одной родной души или знакомых и что она живет в меблированных комнатах в большом доме. Там бы вам сказали, что она милая девушка, тихая, словно мышка, и жаль, что ей приходится так много работать — у бедняжки очень хрупкое здоровье. Здесь заканчиваются сухие факты, которые не расскажут доподлинную историю.

Контора, в которой трудилась наша девушка, являлась филиалом большой северо-западной земельной компании: они работали с участками в Айдахо, Монтане, Орегоне и Вашингтоне. Девушка сидела за печатной машинкой и набирала тексты о красотах этих прекрасных земель: о бескрайних лесах, холмах и долинах, о горных вершинах и быстрых речках. В рекламных проспектах говорилось, что в тех краях есть возмож-

ности для каждого человека, а огромные плодородные земли сулили урожай. День за днем она печатала тексты о том, как в тех местах больные излечивались, бедные становились богатыми, и что эту восхитительную страну не в силах изобразить скромное перо.

И вот девушка, чью жизнь нельзя назвать легкой, стала думать, что где-то далеко есть край, где все правильно и хорошо. В той стране не знали, что такое усталость и одиночество, там по утрам люди не просыпались измученными и неотдохнувшими, а по вечерам не страдали от бессонницы из-за переутомления. Она рисовала в своем воображении место, где трамваи не звонили так громко, не было эстакадной надземки, а у мальчишек-газетчиков были сплошь приятные голоса. Где-то далеко лежала земля, которая не знала ни смога, ни грязи, где тишина проникала в самое сердце, а соседи не буянили по ночам в унылых домах, которые жалась друг к другу. Там не было узких улочек, запруженных толпой; даже лошади — и те не выбивались там из сил. Именно там сбывались мечты; в той красивой стране никто не питался одним черносливом, подливка никогда не была жирной, а картофель не подгорал на плите. Где-то далеко простиралась страна цветов, птиц и ласковых людей — край благосостояния, здоровых сил и улыбок.

Все это создало ее воображение. Она слышала истории о том, как человек осваивал пустынные районы Айдахо, рассказы об огромных богатствах, которыми располагает этот почти не изведанный штат. Ее увлекала поэзия превращения сухих земель в насыщенные влагой уголья. Часто в зной, когда она сильно уставала, и вокруг все было пыльно и грязно, ее фантазия устремлялась к маленькому горному ручейку, который берет свое начало в облачных вершинах. Ее воображение летело вместе с торопливым потоком через лес, наполненный ароматами, устремлялось с обрывов, пока наконец не достигало пустыни — там мудрые и знающие люди орошали сухую землю, а та одаривала их злаками и цветами. Эта картина была ярче, чем какая-либо история, прочитанная в книге. И ей всегда становилось легче дышать, если она думала о сосновых лесах Орегона. В этих грезах было что-то освобождающее; нечто такое, что раздвигало рамки обыденности. Мысли об этом крае освежали ее, и воображение не знало границ. В этих мечтах отражалась бесконечность, они олицетворяли красоту, простор, место для каждого. В той стране люди даже лучше понимали мир.

И еще она любила представлять шум Тихого океана: его волны когда-то пенились в неизведанных морских широтах, а сейчас набегают на дикое побережье Орегона или плещутся в гаванях штата Вашингтон. Девушке нравилось отправлять письма в Портленд, Сиэтл, Спокан и Такому, ведь это были яркие, цветущие города в краю возможностей и красоты. Она любила рисовать себе Сиэтл — город, построенный на холмах (что само по себе удивительно, если вспомнить Чикаго, в котором нет ни единой возвышенности). Она закрывала глаза, мысленно восхищаясь горным пиком вдаль, — такой величественный вид, должно быть, открывался жителям Портленда. Иногда она была такой усталой, что не понимала, что делает — и тогда она шептала молитвы горной вершине. Дальние дали действительно были местом, где ни одна просьба не оставалась без ответа.

В то лето Запад был переполнен туристами, которые ворчали по каждому поводу, а маленькая девушка сидела в раскаленном Чикаго и, невзирая на расстояние, выпитывала дух далеких земель. Тысячи людей путешествовали по железной дороге вдоль берегов реки Колумбии, смотре-

ли из окон, но не любовались природой, а она сидела за пишущей машинкой в тесной, шумной конторе и слышала освежающий звон ручейка и шепот сосен. Когда она забывала о реальности, то становилась хозяйкой тех земель; душевные дни лишали ее и без того скудных сил, плечи склонялись все ниже и ниже над клавишами машинки, но она с горячим упорством продолжала печатать о бесконечной красоте и порядке в Далекой стране. И край прохладных ветерков и свежего воздуха, в свою очередь, был так добр к ней — он не отворачивался от нее, а лишь простирался все дальше и становился невероятно прекрасным.

И вот в один знаменательный для нее вечер она увидела картину — живое воплощение и доказательство ее мечты. Конечно, у них в конторе были проспекты с броскими картинками. Но это были лишь выдуманные виды, а полотно подтверждало, доказывало ее правоту, и в этом знании была радость. Она обожала картину и хваталась за нее, как любой держался бы за воплощение своей мечты.

Сосновый лес стал ее убежищем. Когда она слишком уставала, чтобы строить воздушные замки, она просто представляла, как сидит в прохладной тени сосен, а рядом пробегает маленькая речушка, неся студеную воду далеких снегов. Это было отдыхом и отрадой.

Иногда она улыбалась при мысли о том, что в их конторе никто не знает о ее мечтаниях, и задумывалась, что они сказали бы, если б узнали. Некоторые сотрудники как-то странно посматривали на нее — это слегка смущало ее.

Однажды мистер Осборн попросил ее зайти к нему в кабинет. Он повел себя необычно: она присела на стул рядом с его столом, а он повернулся в своем вращающемся кресле; затем он поднялся и подошел к окну.

Старшая стенографистка пожаловалась на ее кашель: она считала, что нашей девушке нельзя работать в коллективе. Стенографистке было неприятно говорить такое, но и молчать она больше не могла. Этот разговор случился еще неделю назад, но мистер Осборн ничего не предпринимал, откладывая предстоящее обсуждение. Однако мешкать было нельзя. Главная стенографистка — ценный работник, и, кроме того, она была права.

Мистер Осборн сказал девушке, что они задумали некоторые перестановки в конторе, поэтому на какое-то время придется освободить место, убрав несколько столов (это было все, что он смог в тот момент придумать). Не могла бы она выполнять свою работу дома, если он пришлет ей туда печатную машинку? Ее работу можно делать и дома.

Девушка почувствовала разочарование — она не была уверена, что в ее комнатке найдется место для печатной машинки, и там словно не хватало воздуха. Она привыкла к конторе со всеми ее картами, картинками, рекламными проспектами и посетителями, которые только что приехали из дальних краев. Контора была мостиком между мечтой и реальностью. Но ей ничего не оставалось, как согласиться.

Она поднялась и собиралась было уходить, как мистер Осборн обратился к ней:

— Вы совсем одна на свете? — спросил он.

— Я... да.

Это было слишком для него.

— А как бы Вы отнеслись, — начал он быстро, — к переводу на Запад?

Девушка опустила на стул. Она побледнела, ее взгляд блуждал.

— Вы ведь не хотите сказать... — задыхаясь, произнесла она, — ...Вы думаете...

— Так Вы не хотите туда ехать?

— Я хочу сказать... — зашептала она, — ...что это было бы просто замечательно...

— Значит, вы согласны?

Она только кивнула, ее губы приоткрылись, глаза сияли. Мистер Осборн с удивлением спросил себя, почему он раньше не замечал, какая у нее необычная красота и что она совсем не похожа на других.

— Я вижу, Вы простудились, — сказал он. — Климат тех мест подойдет Вам больше. Я узнаю, смогу ли я организовать ваш перевод, свяжусь с нашими людьми в городах, которые придутся Вам по душе.

Она откинулась в кресле и улыбалась; увидев выражение ее лица, мистер Осборн коротко добавил: «Это все, можете идти, я пришлю к вам посылочку с пишущей машинкой».

Наша девушка шла по улицам, словно уже была в дальних краях. Некоторые прохожие даже оборачивались ей вслед. Наконец она добралась до своей комнатки; пододвинула свой единственный стул к окну и села смотреть через проулок на кирпичную стену напротив. Но девушка не замечала ни проулок, ни высокую стену — перед ней проносились реки, возвышались горы и леса. Она откинулась назад (что было непозволительной роскошью — стул был маленький и с низкой спинкой) и попыталась заглянуть за кирпичную стену, чтобы увидеть снежные вершины. Но усталость и невероятное предложение выбили ее из привычной колеи. Она легла на кровать — истомленная, но вся озаренная счастьем. Вскоре послышался шум воды — кто-то набирал ванну, потом этот звук превратился в пение ручейка в лесу, и девушка уже не лежала на старенькой кровати, а тонула под сводом леса — прохладного, спокойного и наполненного ароматами. Но вдруг случилось что-то ужасное: лес горел, она задыхалась в дыму и жаре. Она проснулась. Дым из соседнего здания просачивался в ее комнату, вокруг жужжали мухи, ее лицо и руки пылали.

В последующие дни она работала мало. Не могла сосредоточиться, ведь впереди ее ждало событие, которое изменит жизнь к лучшему. Мечты, надежды — все это привело к апатии. Печатная машинка не уместилась на стуле, комнату постоянно наполнял дым. Странно, но ее дальние дали, казалось, стали таять. Иногда она не могла их даже представить и решила, что это потому, что она действительно туда едет.

В конце недели девушка пошла в контору со своей работой. Слабая от восторга, она зашла в лифт. Устроил ли мистер Осборн ее перевод? Скажет ли он дату ее переезда?

Однако ей не удалось увидеться с мистером Осборном. Секретарь сказал, что начальника нет на месте. Девушка хотела было узнать, не оставил ли мистер Осборн для нее записку, но молодой человек, с которым она разговаривала, уже беспечно отвернулся. Ее старое место было занято, и, похоже, никаких перестановок не намечалось. Все в конторе, казалось, были погружены в работу. У нее задрожал подбородок, и она отвернулась.

Девушка вышла из конторы, и ее охватило странное чувство: земля словно дрожала под ногами, ей мучительно захотелось схватить кого-нибудь за руку и сказать, что нужно что-то делать сейчас же; она испугалась, что закричит, что не может ждать дольше.

Она поняла, что переходит улицу, и увидела впереди маленький магазин, в котором продавали предметы искусства — там висела ее прекрас-

ная картина. Она-то и доказывала, что все ее мечты — правда. Девушка по привычке ускорила шаг. А раз все воображаемое ею правда, то верно и то, что мистер Осборн устроит ей перевод. Картина укажет, что все в порядке.

Но ее ждало жестокое разочарование: волшебство картины обмануло ее. По-прежнему прекрасная, картина казалась теперь очень далекой и недостижимой. Девушка больше не могла оказаться по ту сторону рамы. Теперь это было лишь полотно, изображающее сосновый лес; и он был далеким и чуждым.

Сквозь витрину она увидела старичка, хозяина магазина, — тот стоял к ней спиной. Она хотела было зайти и попроситься посидеть, но подумала, что тот скажет ей что-нибудь грубое (ведь это был очень чудной старик), а она расплатится. Девушка не знала, что он видел ее каждый вечер, что он отчаянно пытался разыскать ее и что он был бы рад и добр. Она не знала всего этого, поэтому побрела домой, еще более одинокая, чем раньше.

В понедельник она поняла, что не может больше ждать. Медлить нельзя. Она хотела идти к мистеру Осборну, но сборы отняли у нее много сил, и она присела отдохнуть. Она устремила взгляд на высокую стену напротив, но ничего не смогла разглядеть за ней. Девушка пересчитала кварталы, размышляя, сколько улиц ей придется пересечь. Тут пришла мысль, что мистеру Осборну можно позвонить.

Когда она снова поднялась к себе в комнату, то тихо опустилась на кровать и потом лежала там неподвижно. Ей сказали, что мистер Осборн уехал, его не будет две недели. Никто в конторе не слышал о ее переводе.

Она пролежала так целый день, и перед ней были лишь узкий проулок да высокая кирпичная стена. Она утратила свои горы и леса, реки и озера. Девушка старалась вновь их представить, но не могла избавиться от стены. Она чувствовала себя запертой. Горные вершины заслоняла стена. Она попыталась заговорить с пиком, который видят жители Портленда, но слова разбивались о стену.

Вечером она почувствовала себя в ловушке, стала задыхаться в неволе. Она должна сейчас же пойти к картине и увидеть свою страну, иначе та исчезнет навеки. Девушка поднялась и пошла к ней. Это был долгий, очень долгий путь, полный препятствий: на узких, петляющих улицах на нее постоянно натыкались прохожие, ее чуть не задавила упряжка лошадей. Но она упорно шла вперед. Она должна была это сделать, ведь воздушные замки и мечты, которыми она жила, ускользали от нее, тонули, а она оставалась в одиночестве.

Она продолжала идти, не зная, удастся ли ей сделать следующий шаг, боясь, что люди затопчут ее. Улицы то спускались вниз, то поднимались в гору, здания нависали над ней; она подходила к домам, цепляясь за карнизы, а каждый шаг был переходом через пропасть. Наконец она добралась до магазина. Девушка стояла, пошатываясь, перед витриной, за стеклом виднелось темное расплывчатое пятно. Она попыталась вспомнить, зачем она пришла сюда. Что же это было?.. Она чувствовала, что проваливается в пустоту.

Дальнейшие обстоятельства этой истории таковы: у нее открылось кровотечение, старик вышел и нашел ее, он заботливо отнес ее в свою лавочку, в которой ей уже следовало быть очень-очень давно, доктор сказал, что слишком поздно, и это было действительно так. Но глубоко под этими сухими сведениями лежит истинная правда: у этой истории, пожа-

луй, самый счастливый конец. То, что некоторые назовут потоком воздуха от электрического вентилятора, на самом деле было прохладным дыханием сосен. А когда сестра сказала: «Она уходит», то это было правдой — она уходила, отправляясь в огромную страну добрых ветров, прохлады и звонких рек. Ведь случилась удивительная вещь: она стала звать гору, и та услышала ее голос и, будучи такой вечной и могучей, унесла ее к себе сквозь высокие кирпичные стены и мимо миллионов спешащих, шумных людей. И гора сказала: «Я дарю тебе всю эту землю. Этот край твой, ты же так любишь его. Холмы, долины, речки, леса, озера — все это теперь твое!» Да, сестра была права: она уходила, чтобы погрузиться в долгий, сладкий сон под прохладными деревьями, рядом с чистым ручьем, который бежит с высоких снежных вершин — она действительно уходила в Дальнюю страну.

НА ЗАКАТЕ

Майский ветерок ворвался в аудиторию, бумаги на его столе взлетели, и он почувствовал удивительный аромат, в котором свежесть смешивалась с удушающим запахом цветения. Он посмотрел на своих студентов: многие из них улыбались, видя, как дуновение весны играет с волосами девушек, сидящих у окна. Анна Лоуренс попыталась снова заколоть их, но месяц май не признает никаких внешних приличий — ветер весело разметал ее кудри, стоило ей только уложить их. Она поймала смеющийся и восхищенный взгляд сидящего недалеко от нее молодого человека и скорчила кислую рожицу, чтобы не показать, как она гордится такой роскошной копной волос. Затем их взор заскользил к деревьям, от которых и распространялся этот аромат. В юных глазах читалось явное желание поскорее вырваться из стен университета, оказаться в студенческом городке, который лежал перед ними во всей послеполуденной красе цветущего мая. Профессор вспомнил, что вчера он видел эту пару, когда они прогуливались в сумерках. Легчайшее дыхание ветерка коснулось его лица, и он внезапно осознал, что ему уже семьдесят три года.

Взгляд других студентов тоже блуждал, уносясь к деревьям, птицам и цветам сирени, от которых они были отделены стенами класса на целый час. Весной взгляды молодых всегда уносятся вдаль — профессор привык к этому. Уже более сорока лет он преподавал студентам философию, сидя вот за этим столом, и знал, что в мае всегда так. У него училось не одно поколение студентов: сначала родители, потом их дети, и через много лет на этих скамьях будет сидеть другая молодежь и слушать лекции о смысле бытия, а их взгляды будут обращены туда, где бурлит настоящая жизнь. Вот так протекает май — возможно, главный победитель философии.

Он с усилием, — ведь и его охватило блаженное бездействие, даже весенняя нега, — заставил себя сосредоточиться на сданных работах, но понял, что думает о тех первых ребятах, которые учились у него — сейчас они взрослые женщины и мужчины и уже сами родители. Он надеялся, что философия как-то пригодилась им в жизни, а не только держала их взаперти в майские деньки. Он всегда пытался не столько вложить им в головы чужие мысли, сколько научить думать самостоятельно. И сейчас, в мае, когда наступает пора замечать блуждающие взгляды других, он верил, что дал им нечто большее, чем просто лекции, что его студенты не настолько далеки друг от друга.

Профессор всегда с пониманием относился к ученикам, но сегодня к этому чувству примешивалась грусть. Он устал. Он с трудом вернулся к догматам философов о бессмертии души. И, как обычно, когда ход его мыслей замедлялся, он обращался к Гретте Лоринг. Ей всегда удавалось внести в занятия свежесть и сделать их интересными. Она была его любимой студенткой. Он не припоминал, чтобы в прежние годы работы у него был ученик, который не только бы радовал, но и помогал, как она.

Он учил ее родителей. И сейчас его студенткой была их дочь Гретта — проницательная девушка с твердым взглядом, которая задает больше вопросов, чем кто-либо из группы. Гретта не терпит двойственности; она принадлежит к той редкой породе людей, для которых понимание смысла жизни открывает двери к счастью. Он никогда не стремился разглагольствовать о трудных для понимания вещах, а говорил о том, что зажжет в глазах Гретты интерес и стремление узнать еще больше.

Сейчас в ее взгляде читалось нетерпение: ей хотелось, чтобы он продолжал рассказывать о бессмертии души. Профессор привык полагаться на ее просьбы, но сегодня, — насколько странным и невероятным это бы ни показалось, — он чувствовал, что она боится за него. Вроде бы она была взволнована и чувствовала себя неловко; он с испугом заметил, что в ее внимательных глазах стоят слезы.

Гретта отвернулась, и он на секунду почувствовал себя беспомощным и одиноким. Он потер лоб. Жарко. Бывает, что когда он устает, его бросает в жар. А он часто устает к концу занятий.

Он знал, к чему она стремится: Гретта хочет, чтобы каждый выразил свою точку зрения. Гретта — со своим юношеским запалом и современными взглядами — не любит ходить вокруг да около старых канонов. Презируя расплывчатые рассуждения некоторых студентов, она хотела, чтобы преподаватель поправлял их вопросом: «А что думаете Вы?»

Профессор попытался подобрать нужные слова. Возможно, он слишком устал, чтобы сформулировать свою мысль правильно, но ему показалось, что жизнь, которую прославлял в своей песенке дрозд на ближайшем дереве, была гораздо важнее трудов великих мужей о человеческой душе.

Когда до конца занятия оставалось десять минут, он внезапно сказал своим студентам: «Идите на улицу и поразмышляйте над этим. Сегодня не тот день, чтобы сидеть в классе и рассуждать о философии. Не важно, что думали люди о жизни в прошлых веках, главное — это то, что вы чувствуете сегодня». Он остановился и неожиданно для самого себя добавил: «И не позволяйте теням скептицизма или убеждений упасть на растоплающиеся перед вами дни». Он снова замолчал и удивился, когда продолжил: «Философия должна оживлять жизнь, а не превращать ее в камень».

Ребята не заставили себя долго ждать. Желание поскорее вырваться на волю побороло их изумление: ведь он отпускает их и даже подгоняет. Только Гретта помедлила на мгновение, словно завороженная его словами, которые отправляли ее на залитый солнцем двор. Профессору показалось, что она собирается подойти к его столу и поговорить. Он даже был в этом уверен. Но в последний момент девушка быстро прошла мимо него, и он заметил слезы на ее ресницах, прежде чем она успела отвернуться.

Как странно! Неужели та, в которой так и кипела жизнь, была несчастна? А возможно ли полное счастье? Он понимал ее чувства и состояние. За понимание жизни приходится платить.

Он вздохнул и начал собирать свои бумаги. Все эти размышления о жизни утомили его.

На ступеньках он помедлил, и ему ни с того ни с сего стало грустно. Некоторые из его студентов определенно не тратили время впустую и уже затеяли игру в теннис. Они отложили пока размышления о жизни и просто наслаждались ею. Только немногие осознавали все разнообразие мира, к которому он пытался их подготовить. Профессор еще больше поник от мысли, что самое лучшее, что он смог сделать для них, — это отпустить на десять минут раньше.

Он вспомнил, что должен взять книгу в библиотеке, и пошел обратно. Подойдя к полке, где хранились труды по философии, и уже протянув руку к нужному тому, профессор уловил шепот, долетевший до него из соседнего прохода сквозь ряд книг.

— Легко сказать. Мы знаем, что он пока не осознает, но что будет, когда он поймет?

Профессор застыл на месте, его рука замерла над книгой, — голос принадлежал девочке, которая только что была у него на занятии.

— Что будет? Он честно признает это, как и любую другую правду жизни.

Это был голос Гретты. И хотя она говорила тихо, не забывая о библиотечных правилах, в ее тоне слышалось презрение.

— Что ж, — произнесла первая девочка, — я думаю, ему придется признать это совсем скоро.

Ответа не последовало. На другой стороне стеллажа произошло какое-то движение — возможно, Гретта отвернулась. Его рука безвольно упала вниз. Он оперся о полку.

— Неужели ты не заметила, Гретта, что он теряет хватку?

Он быстро поднял голову, ожидая ответа Гретты. Уж она-то объяснит той девушке — Гретта проницательная, она намного мудрее. Она только рассмеется ей в ответ!

Но она молчала. Наконец он услышал... нет, не ее презрительное несогласие, а тихий всхлип.

— Заметила ли я? Это разрывает мне сердце.

Профессор смотрел на книги, сквозь которые до него доносился ее тихий и глубокий голос. У него подкосились ноги, и он опустился в кресло, которое, к счастью, оказалось как раз рядом.

— Отец говорит, а он входит в совет попечителей, — снова заговорила первая девочка, — они не знают, что делать. Ему нельзя преподавать в новом учебном году. Такие вопросы на других факультетах решаются без лишних сантиментов: дают им звание заслуженного профессора, и те уходят на покой в определенном возрасте. Конечно, ему назначат хорошую пенсию — он многое сделал для факультета.

Он мысленно поблагодарил Гретту за презрительный смешок, которым она наградила свою собеседницу. В нем слышалось больше утешения, чем в любых словах.

Профессор услышал, что девушки пошли дальше по проходу, и их юбки зашелестели, касаясь книг. Спустя некоторое время он увидел их на залитом солнцем дворе. Гретта присоединилась к ребятам, игравшим в теннис. Он неподвижно сидел и смотрел, как она играла; в этот момент Гретта выглядела совсем юной.

А он все сидел в тихом уголке библиотеки, думая о случайно подслушанном разговоре. Спустя час он взял со стола ручку и написал письмо совету попечителей с прошением об отставке после завершения этого учебного года. В нем он коротко сообщал, что пришла пора дать возможность

молодым потрудиться на благо факультета. Он вложил письмо в конверт, запечатал, наклеил марки — оставалось только бросить его в ящик напротив библиотеки. Профессор всегда делал все возможное для процветания факультета, и теперь, приняв решение, он не медлил и был готов уступить дорогу молодежи.

За свою жизнь профессор выработал привычку смотреть истине в глаза, и сейчас он признавал, что они правы. Некоторые вещи стали для него утомительны. Исчез энтузиазм, обычно сопровождающий начало занятий, но зато появилось облегчение, когда учебный час подходил к концу. Глупо, что он не замечал этого раньше, но некоторые тоже ведут себя неразумно, видя, что их время истекает. Конечно, он смутно понимал, что его академическая карьера приближается к завершению, но людям свойственно думать о ближайших событиях как об очень далеких.

Теперь он понял, что означали слезы и взволнованные взгляды Гретты, как мучительно ей хотелось прийти на помощь, как ее ясный ум страдал от бессилия расшевелить его медленные мысли. Именно Гретта, которой всегда были небезразличны занятия, понимала его лучше всех.

Он постарался беспристрастно взглянуть на сложившуюся ситуацию и не разыгрывать трагедию. Во всем этом не было ничего необычного: человек трудился, завершил работу, остановился. Он попытался убедить себя в этом, но стал вспоминать все те лаконичные письма с прошением об отставке — если в них были отголоски одиночества и обиды, значит, и он чувствует то же самое, и нет смысла это отрицать.

Вот только у его сверстников есть к чему возвращаться. У большинства людей его возраста есть уже внуки. Для них выход на пенсию не так труден. А у него единственным ребенком был факультет философии, о котором он с нежностью заботился. Все его нерастроченные силы любви ушли на университет.

Он любил женщину, которая не любила его; он не был женат. Несмотря на то, что он был одинок, книги, работа и умственная деятельность спасали его от мрачного уныния. Он обладал счастливой способностью впитывать жизнь, лишь соприкасаясь с ней. Работа с молодым поколением помогала ему внутренне остаться юным, так же как солнечный свет и свежий воздух не дают комнате «задохнуться».

Но сейчас его ждет лишь тоскливое одиночество... Жизнь использует человека самым неприятным образом. Если разорвать сеть изящных аллюзий, которою плетут люди вокруг этой истины, то останется лишь вывод, что из человека высасывают все силы, а потом выбрасывают. Почему бы не признать и не принять это? И, невзирая на силу, с которой человек отдавал себя делу, все сводится к вопросу о том, как избавиться от кого-то уже ненужного. И это не жестокость, просто такова жизнь. Обиднее то, что таков порядок бытия, а не безжалостный поступок конкретного человека. «Конечно, ему назначат хорошую пенсию — он многое сделал для факультета». Даже воспоминание о дрожащем, презрительном смехе Гретты не смогло успокоить глубокую рану на сердце.

Он снова взял себя в руки и попытался посмотреть на сложившуюся ситуацию честно и отстраненно, как и на любую другую. Профессор знал, что он действительно многое сделал для университета. Он не думал, что работал лучше других, хотя именно благодаря ему факультет стал местом, где люди мыслят. Он, будучи еще совсем молодым человеком, стоял у истоков факультета. Поначалу это был маленький, скромный колледж, пытающийся закрепить свое право на жизнь. Дедушка Гретты Лоринг

был одним из его основателей; он заложил фундамент, невзирая на религиозные нападки со стороны другого факультета. Тогда профессор купался в лучах почета, которые освещали новорожденный факультет. Именно он прорывался сквозь враждебный лес административных проблем, пробирался по топким местам трудных и запутанных дел. Он сражался за сохранение независимого духа факультета, который служит истине и свободе.

Его заслуги заметили: много раз ему поступали предложения из более престижных университетов. Но он оставлял их без внимания, ведь из года в год усиливалась его страсть к маленькому факультету, которому он отдал весь юношеский пыл своего разума. Его жизнь была неразрывно связана с университетом. День за днем его университетские будни вбивались в дорожки на территории университета; плющ полз все выше и выше по стенам, словно символизируя устремления профессора. Поколения студентов истерли каменные ступени на входе, а лоб профессора избороздили морщины, его плечи сгорбились. Он старел вместе с университетом. Его жизнь была неотделима от факультета, который стал венцом его усилий, свершений (или, как он сам говорил, «радостей») и надежд. Он любил факультет, потому что отдал себя ему; любил, так как взрастил его. На полках стояли любимые книги — он заказывал их самостоятельно и оплачивал из своей смехотворно низкой зарплаты. Профессор помнил ту радость, с которой он получал новенькие томики прямо из типографии, а потом приносил их в библиотеку; он помнил, с каким удовольствием замечал их потом на полках. Таковы были его легкомысленные растраты и слабости. Картины из суматошного прошлого нахлынули на него, пока он сидел, погруженный в воспоминания, а весенние тени скользили по полкам, с которых на профессора смотрели книги по философии. Он действительно выглядел очень старым, когда наконец потянулся за письмом к совету попечителей, которое избавит их от лишних хлопот.

Наступили сумерки. Профессор остановился на ступеньках и обвел взглядом территорию университета. Как обычно, весенние сумерки были долгими: день, чей солнечный свет озарял мир, неохотно уходил в нежную ночь. Мальчишки и девочки сновали по двору университета и по улицам городка. Им не хотелось сидеть дома. Так было и сорок лет назад, так будет и через много-много лет — до самого конца света, а если не будет, то значит, мир рухнул. Профессор был рад, что они гуляют, а не сидят дома или в библиотеке, пытаясь найти смысл жизни в книгах — этот способ приносит свои радости, но в конце пути вас будет ждать одиночество.

Идти домой ему не хотелось — там его ждала огромная стопка непроверенных работ. Он увидел, что на скамейке среди деревьев сидит девушка. Она мотнула головой, и по этому жесту он сразу узнал Гретту Лоринг. Интересно, о чем она думает? Что занимает мысли человека, привыкшего размышлять о жизни? Молодость и старость смотрят на жизнь под разными углами, вот почему она кажется для них разной. Подобно тому, как угол света меняет форму предметов, наше виденье жизни делает ее уникальной для каждого человека.

Он и сам не знал, почему подошел к ней. Отчасти это было желание найти сочувствие — эту потребность не притушает даже старость; но была еще более глубокая причина — стремление души найти и сберечь уголок, где свет освещал жизнь.

Гретта тихо поздоровалась с ним. Ее волосы растрепались после игры,

щеки еще пылали, но взгляд был задумчивый и даже грустный. Он почувствовал, что она грустит из-за его неприятностей. Профессор знал, что Гретта с теплотой относится к нему, восхищается сделанной им работой. Он понял, что ей больно, когда все, кроме него самого, замечают, что он «потерял хватку», стал хуже преподавать. Ее гордость была уязвлена, а сердце ранено, потому что сейчас враги шепчутся за его спиной о том, как бы поскорее избавиться от старого преподавателя. Боже, бедная девочка, наверное, мучает себя, думая, что должна предупредить его.

Он решил ей все рассказать. «Вот, написал заявление об увольнении», — сказал он, указывая на адрес на конверте.

Она вздрогнула, слезы навернулись на ее глаза, и он понял, что не ошибся в своем предположении. Она не могла произнести ни слова, а ее подбородок дрожал.

— Я знал, что это время когда-нибудь настанет, — сказал он. — Время, когда молодежь будет справляться с работой лучше меня.

Она все молчала, но ее взгляд был уже более серьезным. Выражение лица у нее стало твердым, почти что вдохновенным, — этот взгляд часто подбадривал его на занятиях

Она не отрицает этого! Она не собирается притворяться!

Когда он понял, что она не будет его жалеть, то он перешел на возвышенные темы, о которых они привыкли разговаривать.

— Поверите ли Вы, Гретта, — начал он, уже не прося жалости, а ища дружескую поддержку, — наступает час, когда пожилые люди понимают, что пора отступить и дать молодым заменить тебя.

Она кивнула.

— Но мы, наверное, не осознаем, насколько это трудно, пока сами не подойдем к такому периоду, — сказала она.

Гретта напомнила ему о его преимуществе — бесценном житейском опыте, накопленном годами.

Удивительно, но ее честность — она не потерпела бы убаюкивающей лжи — приободрила его. То, что на первый взгляд казалось ее недостатком, было опорой для них обоих. В ее отчужденности не чувствовалось ни капли холода! Это было полное единение душ в час, слишком дорогой для пустых слов. В ее взгляде читалось духовное благородство, обращенное к нему — человеку, обладающему такими же качествами. Так она смотрела на него раньше, и ее глаза сияли от слез гордости, а не от жалости к его падению.

Внезапно профессор понял, что жизнь не потрачена зря, что жизни тех, кто бился за честность мысли, духовное благородство не прошли впустую, если они оставили после себя учеников, похожих на сидящую рядом девушку.

Его мысли перетекли с собственной жизни на Гретту. Она — вот что важно. Она — это то, что останется после него, его продолжение. Раньше он смотрел на данную ситуацию с неправильной стороны, а сейчас чьи-то добрые руки повернули его. Искать себя нужно не в прошлом. Он жил не полно, не стремясь вперед, куда сейчас движется она.

Профессор не сильно удивился, когда Гретта наконец заговорила и высказала почти ту же мысль.

— Я размышляла, — начала она, — о молодом поколении. О том, что оно значит для тех, кто уступает им дорогу.

Она осторожно нащупывала верную мысль среди многих туманных чувств. Он всегда любил наблюдать за ходом ее размышлений.

— Я думаю, Вы не совсем точно употребили слово, — сказала она с улыбкой. — Вы сказали, что молодость замещает старшее поколение. Но это не так. Такого человека, как Вы, не замещают, а... — она помедлила и через несколько мгновений торжественно добавила, — восполняют!

Когда она повернулась к нему, ее лицо сияло.

— Вы ведь понимаете? Этот человек ждет, чтобы занять ваше место, потому что Вы его подготовили. Да, вы взрастили его! Вы всю жизнь готовили смену. И этот молодой человек сможет выполнять свою работу, потому что вначале вы выполнили свою. Конечно, он может пойти еще дальше, чем Вы! И разве не жалко, если он не станет лучше Вас?

Ее голос переливался теплыми нотками, когда она произносила последнюю фразу. Она замолчала, но свет озарял ее лицо.

— Сегодня на занятии мы говорили о бессмертии души, — продолжила она уже более медленно. — Мне нравится думать об одной из форм бессмертия. Обо всех тех, кто, отдав себя целиком, живут в сегодняшнем мире.

Ее глаза снова сверкнули слезами, и она закончила: «Вы никогда не умрете. Вы слишком углубили понимание жизни».

Они молча сидели в сгущающихся сумерках — старик и молодая девушка. Повсюду были слышны выкрики и смех ребят, ночные крики птиц. Аромат жизни был разлит в воздухе. Это было молчание, в котором смешались впечатления, убеждения, стремления, еще не принявшие форму мыслей.

Что-то в этом молчании вызывало удивительную мысль о том, как хороша прожитая жизнь и сделанная работа. И эта мысль преодолевала пустыни одиночества, суровые и крутые обрывы и находила луга спокойствия.

*Перевод с английского
Ксении КИРИЧЕНКО*

Об авторе

Сьюзен Киттинг Гласпелл (1876–1948) — известная американская писательница, родилась в городе Давенпорт, штат Айова. Ее отец был фермером, а мать — учительницей; детство девочки прошло на бескрайних полях Айовы. Маленькая Сьюзи была серьезным ребенком, она любила слушать предания об индейских вождях, спасала птиц и зверушек, ходила в местную школу, где считалась одной из лучших учениц. С семнадцати лет девушка подрабатывала журналистом в местной газете, а уже через два года вела собственную колонку, посвященную светским новостям. В двадцать один год Сьюзен поступила в университет Дрейка, хотя тогда считалось, что университет — не место для девушек: дескать, после него они непригодны для семейной жизни. Мисс Гласпелл специализировалась на философии, была блестящей студенткой и наравне с мужчинами принимала участие в университетских дебатах. А на следующий день после вручения диплома Гласпелл получила полноценную работу в газете, где она писала статьи о законах штата и даже освещала дела об убийствах (впоследствии они станут материалом для ее произведений, например, для пьесы «Детали» и для адаптированного по ней рассказа «Так решили

женщины» — в них представительницы слабого пола разгадывают преступление, которое не смогли распутать их мужья-детективы).

В 1901 году Гласпелл вернулась в Давенпорт, где посвятила себя творчеству. Ее рассказы появлялись на страницах лучших журналов Америки. В 1909 году вышел ее первый роман «Триумф побежденных», который сразу же попал в списки бестселлеров и получил хвалебные отзывы; за ним последовало «Воображение» (1911), которое понравилось читателям и привело в восторг критиков. В 1913 году Гласпелл вышла замуж за Джорджа Кука, и они переехали в Нью-Йорк.

Но Сьюзен Гласпелл известна не только как прозаик. Ее жизнь и творчество были неразрывно связаны с театром — в 1916 году она с мужем основала театральную труппу в курортном городке Провинстаун. Гласпелл начала писать пьесы и сама играла на сцене, так как театр был любительский; современники высоко отзывались о ее актерских способностях. Сьюзен написала много талантливых пьес («Грань», «Наследники»). Она стала известным драматургом не только в Штатах — ее пьесы имели успех в Великобритании, где писательницу сравнивали с Ибсеном. Она также продолжала писать и рассказы. В 1922 году Гласпелл и Кук расстались с театральной труппой и уехали в Грецию.

После смерти мужа Сьюзен Гласпелл вернулась на родину. Она написала еще несколько блестящих романов — ее «Возвращение изгнанницы» (1929) не смогло обойти лишь знаменитую книгу Хемингуэя «Прощай, оружие!» в гонке за главный роман года. А в 1931 году пьеса «Дом Элисон» принесла Гласпелл Пулицеровскую премию «За лучшую драму».

Сама писательница не была публичным человеком. Она всегда преуменьшала свои заслуги, а не рекламировала их. Постепенно интерес к ее книгам угас, но в 1970-е годы к ее наследию обратились вновь. Ее творчество стало обширным полем для изучения. В нашей стране имя Сьюзен Гласпелл почти не известно читателям, ее произведения ранее не переводились.

О переводчице

Ксения Евгеньевна Кириченко родилась в Воронеже. Окончила факультет романо-германской филологии Воронежского государственного университета, продолжает обучение в магистратуре ВГУ. Публиковалась в журналах «Смена», «Подъём», в коллективном сборнике «Быть настоящим». Участник Воронежского областного совещания молодых литераторов 2016 года. Живет в Воронеже.

